

ЛитРес:

ВЛАДА ОЛЬХОВСКАЯ

ТЕРРИТОРИЯ ЛЕВИАФАНА

Северная корона

Влада Ольховская
Территория Левиафана

«Влада Ольховская »

2021

Ольховская В.

Территория Левиафана / В. Ольховская — «Влада Ольховская », 2021 — (Северная корона)

ISBN 978-5-535-00199-9

В первый день на планете Левиафан колонистам показалось, что они вытащили счастливый билет. Посадка прошла безупречно, все остались в живых, и подвох у этой планеты только один... На Левиафане нет земли. Совсем. Только вода – и бесчисленное множество чудовищ, скрывающихся в ней. Спустя сто лет к этой планете отправляется «Северная корона». Миссия на Левиафане считается простой, и никто даже не подозревает, что одного из членов экипажа водный мир заберет себе навсегда.

ISBN 978-5-535-00199-9

© Ольховская В., 2021

© Влада Ольховская , 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Влада Ольховская

Территория Левиафана

Глава 1

Казалось, что эти люди пришли в бар лишь с одной целью: покончить с собой самым экзотичным способом из всех возможных. Они осознанно бесили легионера.

Справедливости ради стоит отметить, что они вряд ли до конца понимали, кто перед ними. Команда «Северной короны» была не на задании, сейчас у всех было свободное время. Поэтому они, включая Триана, пришли на станцию в обычной одежде, он – в джинсах, черной майке и тяжелых армейских ботинках. Но главное, поверх майки была наброшена куртка с символом специального корпуса космического флота. Это указывало, что Триан – солдат, наделенный особыми способностями. Какими – тут уж не поймешь, но посетителям бара достаточно было знать, что он не такой, как они.

Да и потом, вряд ли они вообще знали, что такое Легион. Даже другим представителям специального корпуса эта тайна открывалась лишь во время работы над особо важными заданиями. А обитатели космических станций, по сути, гражданские, даже не догадывались, что в специальном корпусе существует своя элита.

Нельзя сказать, что все гражданские относились к специальному корпусу вот так – с явной нелюбовью. Те, что поумнее, уважали и даже побаивались солдат с особыми способностями. Да и не без причины! Но на всей огромной космической станции Триан умудрился выбрать именно тот бар, где собирался обслуживающий персонал низшего ранга: люди не очень умные, а теперь еще и сильно нетрезвые.

Впрочем, Триан никогда и ничего не делал просто так, это Альда уже усвоила. Сейчас, наблюдая за ним, она пыталась выяснить, зачем он притащился в эту дыру.

Не по заданию капитана так точно! Не было у них сейчас никакого задания. «Северная корона» была вынуждена остановиться на этой станции, потому что штатному киборгу понадобилось срочное техобслуживание. Да и не мудрено, во время предыдущей миссии он не то что пострадал, но работал больше, чем следовало. Стерлинг осторожный, он собой рисковать не будет. Как только он обнаружил, что его микросхемы дают сбой, он тут же устроил истерику, вынуждая капитана запросить поддержку у флота.

А флот направил их на крупнейшую станцию, оказавшуюся на их пути. Она использовалась и военными, и гражданскими, это, пожалуй, был самый крупный искусственный объект, который Альде доводилось видеть в космосе. Там располагались ангары для починки кораблей, склады с оборудованием, жилые отсеки, медицинское крыло – все, что нужно. Потому что эта станция размещалась на границе хорошо исследованной территории, дальше была неясная, сумрачная пустота, перед полетом в которую неплохо было бы последний раз насладиться цивилизацией.

Пока Стерлинг проходил долгожданное техобслуживание, а на корабль загружалось дополнительное оборудование для миссии, капитан Лукия выделила команде свободное время. У них такого давно не было!

Первой ускользнула хилер, Ноэль Толедо. Она двигалась быстро и уверенно, как будто у нее была четко заданная цель. Это, вообще-то, не очень хорошо: от Ноэль всякого можно ожидать. Но Альда, поразмыслив, решила, что беспокоиться ей лучше не о хилере.

Капитан Лукия и Рале, ее ближайший помощник, направились куда-то вдвоем. Это было бы мило, если бы они не пошли в зону, полностью принадлежащую военному флоту. Туда ради

романтических свиданий не ходят! Скорее всего, для команды уже есть задание, однако все остальные узнают об этом позже.

Оставались только Киган и Триан... ну и Альда, разумеется. Она знала, что Киган хотел бы побыть с ней. Эта станция идеально отвечала его представлениям о веселье, тут было все – от борделей до дорогущих ресторанов. Кигану давно хотелось помириться с ней – даже при том, что они не ссорились открыто. Он думал, что все еще можно исправить, достаточно одного разговора по душам в правильной атмосфере.

Альда в этом как раз сомневалась, но объясняться с механиком ей не пришлось: он стал единственным, кому не разрешили покинуть корабль. Киган отвечал за все оборудование на «Северной короне», и теперь ему предстояло лично принять новые устройства.

Так что Альда была сама по себе... вроде бы. Она и Триан не зависели друг от друга, он не звал ее с собой, и ей полагалось просто заняться своими делами. Вот только своих дел у нее не было, а интуиция требовала проследить, чем же занимается легионер на отдыхе.

Она шла за ним от самой «Северной короны», надеясь, что толпа ее скроет. В иных обстоятельствах не было и шанса, что Триан ее не заметит, но тут все-таки новое место, новые люди... и его безразличие. Он не выглядел настороженным, ни разу не обернулся, и Альда решила, что у нее все получилось.

Втайне она опасалась, что станет нежелательной свидетельницей его встречи с Легионом. Это ведь тайна в тайне, та часть космического флота, от которой можно ждать чего угодно! Неужели на такой крупной и значимой станции у Легиона нет своего представительства?

Но если оно и было, Триан встречей с коллегами определенно не интересовался. Он свернул к развлекательному крылу станции, а потом спустился туда, где забавы подешевле да попримитивней. Там толпа была бурной, как горная река, и куда более шумной. Повсюду ревели музыка, сливавшаяся в невнятный рев, мелькали неоновыми вывески, предлагавшие развлечения, которые человечество изобрело еще несколько веков назад. Ничего нового, ничего сложного, ничего возвышенного.

Она еще могла понять, если бы такое место заинтересовало Кигана. Он не дурак, ни в коем случае, но развлечения он предпочитает бесхитростные. Но Триан? С его вечным молчанием? С его взглядом принца в изгнании? Альда никак не могла представить его выбирающим дешевую проститутку! Да и дорогую, если задуматься, тоже.

Поэтому она шла за ним, хотя практической необходимости в этом было даже меньше, чем раньше. Он снова удивил ее, когда свернул в первый попавшийся бар, темный, душный и грязный. Там отдыхали после смены работяги, у которых не хватало ума распознать всю значимость специального корпуса – грузчики, чистильщики, заправщики. Они только усвоили, что солдаты специального корпуса работают меньше, чем они, а получают больше. Каждый судит мир по самостоятельно выбранным критериям. Так что Триан стал для них общим врагом, едва они увидели нашивку на его куртке.

С тех пор их взаимное существование в баре было похоже на пожар возле оружейного склада. Триан невозмутимо потягивал пиво, наблюдая за каким-то матчем на проекторе, а окружающие, обступившие его неплотным полукругом, пытались до него докопаться.

– Что, солдафонам урезали зарплаты, раз аж сюда приходится приходиться?

– Или это как на зверей посмотреть – на нас? А, парни? Мы ж для него зверюшки!

– Да нет, может, просто хочет вспомнить, как люди выглядят, сам-то он давно уже не человек!

Работяги были раздраженными, но умеренно осторожными. Они напоминали Альде стаю диких собак, которые лают на жертву, стараясь определить, хватит ли у них сил справиться с ней, достаточно ли она слаба. Многим было неловко рядом с Трианом, они чувствовали тревогу, которой не могли найти объяснения. Эти насмехались все меньше и отступали назад все быстрее.

Но были и другие, те, что оказались то ли слишком пьяными, то ли слишком тупыми, чтобы разобраться в ситуации. Среди них явно лидировал лысый здоровяк, снова и снова напоминавший, что солдаты специального корпуса – не люди.

– А вот интересно, что он одну с нами еду ест и пиво глушит! Я слышал, что после перевоплощения эти уродцы могут только собственное дерьмо есть!

И снова ноль реакции. Но почему? Почему Триан вообще это терпит? Совсем на него не похоже!

Альда понимала, что вот так стоять здесь и пялиться – совсем уж нелепо. Даже хуже, чем просто следить за Трианом. Ей следовало бы подойти к нему и во всем признаться или оставить его в покое. Но она никак не решалась, потому что и себе не могла объяснить, что ей нужно, почему ее вообще потянуло за ним.

Ее мучительно неловкое ожидание закончилось, когда прямо у нее в голове прозвучал голос Триана.

«Ну что, так и будешь ждать особого приглашения, принцесса флота?»

Ей следовало подготовиться к тому, что он ее обнаружит, но Альда все равно вздрогнула от неожиданности. Это ведь делало ее положение еще глупее! Когда он ее засек?..

«С момента, когда ты решила, что пойдешь за мной, а не отправишься в кондитерскую лавку за карамельками», – пояснил Триан.

«Хватит читать мои мысли!» – возмутилась Альда.

«А ты закрывай свои мысли лучше, не девочка уже – так попадаться».

Тоже верно. Как и любой легионер, Триан обладал ограниченными способностями к телепатии, это и позволяло ему общаться с Альдой без слов. Но главная телепатка «Северной короны» все равно значительно превосходила его в этом. Если бы она хотела закрыть от него свое сознание, он бы в жизни туда не добрался, а она из-за смущения упустила контроль. Плохо. Однако это тоже опыт, который ей сейчас необходим.

«Ну и что теперь делать? – проворчала Альда. – Ты хочешь, чтобы я ушла?»

«Зачем? Нет уж, составь мне компанию, раз тебе это интересно. Пивом соблазнять не буду, оно тут мало отличается от дерьма, которое приписывают в основы моей диеты».

Это по-прежнему было странно, но Альда решила, что бегать от него нет смысла. Она уверенно вошла в бар, стараясь игнорировать направленные на нее сальные взгляды. Если Триан может не обращать внимания на этих людей, то и она справится! Поэтому она пересекла зал и устроилась за барной стойкой рядом с легионером.

Конечно же, работяги сразу поняли, кто она такая. Не могли не понять – она была в такой же куртке, как Триан. Да и без опознавательных знаков Альда серьезно отличалась от женщин, обитавших на этом уровне: слишком молодая, слишком худая, слишком чистая – во всех отношениях. Это раззадорило работяг куда больше, чем молчаливое присутствие Триана. Первым высказался, конечно, все тот же лысый здоровяк.

– Эй, ты смотри, кого к нам занесло! А правду говорят, что мутанткам из флота жизненно необходимо хоть раз в час перед мужиком ноги раздвинуть? Потому как если их не поймает кто – они начинают чахнуть идохнуть!

Сказал – и расхохотался над собственной шуткой. Следом раздались неуверенные смешки, но мало: работяги выжидали, какой будет реакция. А Альде не хотелось реагировать, хотелось только уйти. Что она могла сделать? Быть идиотом – это не преступление, за такое не наказывают, от идиотов можно лишь держаться подальше.

– Может, прогуляемся? – предложила она.

Однако Триан даже не смотрел на нее, он не отрывал взгляд от экрана, хотя вряд ли представлял, кто там с кем играет и во что. С Альдой он все же заговорил:

– Останови меня, если знаешь этот анекдот... Заходят как-то два солдата специального корпуса в бар и видят там толпу мудаков. Один солдат выбирает главного мудака и ломает ему руку.

Вот и все, что он сказал. А в следующее мгновение Триан сорвался с места так быстро, что уследить за ним было невозможно. На такую скорость были способны лишь легионеры, они, как призраки, скользили сквозь пространство. Но работяги о легионерах ничего не знали, и то, что им довелось наблюдать, предстало перед ними настоящим чудом. В один миг солдат был у барной стойки – а в следующий оказался прямо перед лысым здоровяком, как будто телепортировался.

Триан ничего ему не сказал. Он только улыбнулся – и от этой улыбки даже у Альды мурашки пошли по коже, а некоторых работяг и вовсе затрясло. Таким же быстрым, неуловимым движением Триан перехватил руку здоровяка, и музыку в баре на секунду перекрыл тошнотворный треск костей.

Перелом был сложный. Альде не требовалось медицинское образование, чтобы понять это. Легионер не просто сломал кость, он раздробил ее, выкрутил руку так, что все внутри превратилось в костяную муку, а кожа и мышцы частично порвались. В полевых условиях это могло означать лишь одно: ампутацию. Но здесь, на станции, хорошая клиника, должны восстановить... если очень повезет. Однако даже при лучшем раскладе работяге предстояло пройти через адскую боль.

Он тоже это понял. Он молчал всего мгновение – от шока, от непонимания того, что с ним случилось. А потом он повалился на пол и заорал так, что недавние товарищи разбежались от него во все стороны. Возможно, некоторые и хотели бы ему помочь, но не решались в присутствии Триана.

– Да, дурацкий анекдот, – задумчиво произнес легионер. – Напомни мне больше его не рассказывать, шутку не все поймут. Пойдем? Или тебе тут все-таки понравилось?

Альда судорожно кивнула и поспешно направилась к выходу. Она больше не смотрела на изуродованную руку здоровяка. Да уж, этот урок он на всю жизнь запомнит! Но, может, оно и к лучшему? Как бы чудовищно это ни звучало, Триан пожалел его. Другой легионер вполне мог оторвать здоровяку голову после первого же оскорбления – и ему ничего не было бы. Легион многое позволяет своим солдатам.

Не могла Альда не заметить и кое-что другое... Триан был абсолютно равнодушен, когда работяги, как насекомые, покусывали его. Но стоило одному из них оскорбить Альду – и вот они получили то, чего давно следовало ожидать. Совпадение? Шоу для нее? Или нечто большее?

– Зачем ты это сделал? – тихо спросила она, когда они оказались на оживленной улице развлекательного крыла.

Здесь понятия не имели о том, что произошло в баре. Здесь праздник продолжался всегда, потому что жизнь в открытом космосе опасна и коротка, нельзя лишать ее веселья.

– Потому что добровольное скудоумие наказуемо, – отозвался Триан.

– Но ты же знал, что там так будет...

– Не знал наверняка, но предполагал с высокой долей вероятности. Девяносто девять целых и девять десятых процента, я бы сказал.

– Но ты все равно пошел в этот бар?

– Нужно было держать интригу.

– Интригу? – растерянно повторила Альда.

– Естественно. Ты пошла за мной, потому что тебе было любопытно, как поведет себя легионер на такой станции. Если бы я завалился в зону для особо важных, ты бы тут же отстала. Пошла бы гулять или, учитывая твою фирменную нерешительность, вернулась бы на корабль к своему электроскату. Но я пошел в этот блошинный квартал – и ты была заинтригована.

Шах и мат. Вот и вся цена ее шпионским способностям. Как бы она ни таилась, как бы ни убеждала себя, что толпа ее скроет, все напрасно. Триан заметил ее сразу же, как только она ступила с борта «Северной короны» – или раньше?

Она ведь не зря напоминала себе, что он ничего не делает случайно. Выбор бара, его недолгое смирение под градом оскорблений – все это было призвано удержать ее, подманить поближе, и он справился. Это было обидно и все равно интриговало, потому что без ответа оставался главный вопрос...

– Зачем тебе это? Я же не думаю, что дело исключительно в возможности мной манипулировать!

– Довольно забавная игра сама по себе, – пожал плечами легионер.

– Может быть, но слишком мелко для тебя. Нет, я думаю, на самом деле тебе от меня что-то нужно. Если бы ты попросил об этом сразу, я бы послала тебя куда подальше. Да и потом, ты же не умеешь просить! И ты решил выбить меня из колеи, усыпить бдительность стыдом, чтобы я пошла навстречу любой просьбе, лишь бы быстрее миновать неловкий момент. Сколько в этом правды?

В его глазах, темных, как космос за бронированными иллюминаторами, впервые мелькнуло уважение. Всего на миг – а потом взгляд Триана снова стал зеркальным, надежно скрывающим любые мысли и чувства. Но Альде и этого мига хватило, чтобы ощутить первый заслуженный триумф. Вот так-то! Может, она и попалась на его трюк с баром, но это вовсе не значит, что он ею управляет!

– Один-один, мелкая, – усмехнулся Триан.

– Где тогда мой приз?

Вот и второй удар прилетел в цель – сначала Альде удалось его впечатлить, теперь – удивить. Этот день нравился ей все больше.

– Какой еще приз?

– Раз я разгадала твой коварный план, мне полагается приз. Или я обижусь за то, что ты мной манипулировал.

– Так себе логика, если учитывать, что ты за мной следила.

– И тем не менее, хочу приз.

– Надо будет запомнить эту стратегию: гнуть свою линию безо всяких аргументов, – покачал головой Триан. – Но – допустим. Что за приз ты уже придумала?

– Понятно, что тебе от меня что-то нужно. Я хочу, чтобы ты попросил меня об этом, а не пытался намеками и уловками подтолкнуть меня к необходимому действию.

И снова остановился, смотрит на нее, ничего не говорит... Знать бы, о чем он сейчас думает! Такое желание у многих возникает, а Альде было особенно обидно от того, что она, телепатка, как раз могла бы покопаться в мыслях собеседника. Но это с кем-то другим, не с ним. Даже при неожиданной и пока еще нестабильной симпатии между ними она бы никогда не рискнула лезть в мозг легионера.

Так что дальнейшее развитие событий зависело исключительно от него. Просить Триан не спешил, но кивнул на лифт:

– Давай продолжим прогулку, а потом решим, готов ли я принять условия террористки.

На общем лифте, расшатанном и не слишком чистом, они поднялись на средний уровень – туда, где пересекались основные дороги станции. Здесь открывались пути к любому крылу, но ни одним из них Триан не воспользовался. Вместо этого он привел Альду к заблокированному белоснежному лифту, предназначавшемуся для особо важных персон.

Перед ним двери лифта мгновенно открылись. Это даже не удивляло.

Как и следовало ожидать, вопросы у Альды уже появились – и немало! Но она не задавала их, потому что знала: это сведет к нулю ее предыдущие победы. Она должна была показать Триану, что тоже умеет молчать и выжидать с показным безразличием ко всему.

Поэтому она вошла с ним в лифт, отличавшийся от общего, как космический корабль отличается от загаженной курами телеги. Просторная кабина беззвучно и без малейшей тряски подняла их наверх. Это тоже была зона отдыха – но для людей, которые значили гораздо больше, чем работяги.

Тут было светло и тихо, пахло полевыми цветами, даже ветерок был – нежный и теплый. Как будто они больше не в космосе, а снова на Земле... Да и развлечения здесь несколько иные: все скрыто за зеркальными дверями, ничего не выставлено напоказ. Это вовсе не значит, что здесь нельзя выпить или снять девицу на одну ночь. Но делается все так, чтобы на следующее утро репутация особо важного клиента не пострадала.

Как ни странно, среди этой роскоши Альде было так же неловко, как среди грязи нижнего уровня. Она знала, что на нее сейчас направлены десятки объективов. То, что она пришла сюда в компании легионера, записывается и уже не будет забыто.

– И что дальше? – спросила она.

– А дальше будет нехарактерная забава: просьба. Держи свой приз! Я ПРОШУ тебя оказать мне услугу.

– Снова заинтриговал, – тяжело вздохнула Альда. – Что нужно делать?

– Я хочу, чтобы ты проверила, сколько легионеров находятся на станции. Скорее всего, они будут здесь, они всегда на этом уровне тусуются.

– Ты с ума сошел? Ты прекрасно знаешь, что мне запрещено лезть в сознание легионеров!

– Ты так обрадовалась просьбе, что прекратила слушать после второго слова? Никто не говорит тебе читать их мысли. Я просто прошу тебя проверить, есть они здесь или нет.

Вообще-то, ему полагалось знать это самому – разве нет? Но Альда решила не тратить время на ненужные расспросы. Раз уж согласилась, надо помогать!

Найти сознание легионера не так уж сложно, в этом она убедилась после двух миссий с Трианом. Их сознание – это бездна, черная дыра, будто бы утягивающая в себя энергию... Внутрь соваться опасно, но понаблюдать можно, робко надеясь, что ее не заметят и не сломают ей руку, как тому работяге... или что поважнее руки.

Но беспокоилась она напрасно. Сначала Альда изучила этаж для ВИПов, а потом и всю остальную станцию, и результат был один.

– Нет здесь легионеров, – отчиталась она. – Ни одного.

– Этого я и ожидал. А теперь вторая просьба – две за раз, повезло тебе!

– Ничего себе! Ты клянчишь два одолжения, но делаешь вид, будто это мое везение? – возмутилась Альда.

– Я даже скажу «пожалуйста» и добавлю, что буду обязан тебе за это, но я должен знать.

– Что именно?

– Когда здесь последний раз были легионеры и куда они направились.

Это уже было посложнее. Чтобы получить ответы, быстрой проверки не хватит, придется копаться в сознании сотрудников станции. Это не так опасно, как связываться с солдатами специального корпуса: простые люди не заметят вторжения. Однако Альда не сомневалась, что ее это утомит.

Так что возиться с этим ей не хотелось. А с другой стороны, Триан прекрасно понимал, о чем просил. Он разбирался в телепатии и знал, что его собственных способностей на такую проверку не хватит. Он рисковал, привлекая Альду к своим личным делам, это действительно было серьезное одолжение с ее стороны – за которое в будущем полагалась такая же серьезная награда.

– Ладно, – сдалась телепатка. – Сделаю! Но с одним условием.

– Чего желает твой внутренний маленький торгаш?

– Ты объяснишь мне, зачем тебе это нужно.

– Я бы не хотел, – помрачнел Триан.

– Я знаю. А я бы не хотела лезть в неопрятную грудку мозгов, где среди интересов преобладают бухло и сиськи, но так уж сложилось. Если я ныряю в эту мутную жижу, я хочу знать, ради чего!

– Ладно... Но это касается только меня. Капитан и остальные не должны знать.

– Так себе перспектива, – поморщилась Альда. – Но ты прекрасно знаешь, что инструкция не обязывает меня сообщать капитану Лукии все без исключения. Я сама решаю, что ей нужно знать.

– Тогда договорились. Ищи!

Стоять все это время у дверей было глупо, и они отошли в сторону, туда, где был разбит искусственный цветник вокруг белоснежной беседки. По крайней мере, Альде казалось, что он искусственный – должен быть! Но, подойдя поближе, она обнаружила, что все растения живые. Вот, значит, откуда шел медовый запах... Это к лучшему. Она закрыла глаза, сосредоточившись на чужих мыслях, а медовый запах так и остался с ней.

Время потеряло привычный ход. Но так всегда бывает, когда сосредоточишься на чем-то сложном – дело даже не в телепатии. Альда не думала о том, сколько времени проходит, что она делает и зачем. Она всего лишь знала, чего должна добиться.

Раньше она бы не решилась на такое. Не так важно, что она была среди лучших на своем курсе, академия все равно дает не все, да и не может дать, нужен опыт. Однако опыт у нее был. Благодаря своим миссиям на «Северной короне» она теперь могла отстраниться от личности людей, сознание которых просматривала, ей не важны были их имена и прошлое. Она искала нужную информацию с беспристрастностью компьютера, и получалось у нее даже лучше, чем она ожидала.

Триан не торопил ее, и когда она открыла глаза, он все так же сидел рядом, безмятежно наблюдая за цветами. Казалось, что он только ради этого сюда и пришел.

– Есть результат? – спросил он.

– Конечно, это же я! Только я этот результат не понимаю.

– Тебе и не нужно. Ты просто скажи, а понимать буду я.

– Сейчас легионеров нет, но они были – совсем недавно. За месяц здесь останавливались по меньшей мере три команды с легионерами, но ненадолго. Все они получали задание и продолжали путь по разным направлениям.

Это было странно по нескольким причинам. Во-первых, команд с легионерами было не так уж много, они приписывались к экипажу в особых случаях. Во-вторых, шансы таких команд оказаться на одной станции в течение месяца предельно низки. А это было! Ну и в-третьих, Триан не казался удивленным.

Но свое слово он сдержал и все же объяснил ей:

– До меня дошли слухи, что это происходит по всему флоту, не только на этой станции.

– Что именно?

– Команды с высшими номерами Легиона рассылают на задания в самые дальние уголки космоса. Не всегда эти задания соответствуют уровню команд, но отказываться не положено. Когда это случается один раз, еще можно считать совпадением. Теперь же это стало тенденцией. Какой напрашивается вывод?

– Кто-то хочет, чтобы высшие номера прямо сейчас находились как можно дальше друг от друга, – догадалась Альда. – Но зачем?

– Я пока не знаю. Я вообще не был уверен, что это правда. Теперь вот убедился. Причины могут быть разными, пока у меня маловато данных для точного вывода. Зато я уверен вот в чем... Следующее задание «Северной короны» будет такого же типа, нас отошлют в самую глубокую дыру, какую только найдут. Капитан Лукия, естественно, удивится этому, но ей намекнут, что это наказание за нашу предыдущую миссию, которая, как ты знаешь, не очень понравилась космическому флоту.

Тут он был прав: если Легион действительно рассылал в разные стороны своих сильнейших воинов, обойти стороной номер семь они не могли. Но Альде все это катастрофически не нравилось. Миссия «Исход» в чистом виде не была простой, а тут еще и какие-то кулуарные интриги добавились!

– Ты расскажешь капитану? – уточнила она.

– Уже очевидно, что нет, я ж не зря попросил тебя молчать.

– Но почему?

– Потому что такие знания не принесут ни ей, ни команде какой-либо пользы. Они лишь навредят неврастеникам вроде Ноэль Толедо. В принципе, заявление о том, что дальняя миссия – наказание за нашу самостоятельность, достаточно правдоподобно. Пусть все так и остается.

Альда неохотно кивнула. Не то чтобы она опасалась Триана и готова была подчиниться ему во всем, от этого она была далека, да и обманывать капитана ей не хотелось. Но она не была уверена, что ее откровения никому не навредят. Она решила, что на сей раз позволит легионеру устанавливать правила.

Ну а будущее покажет, ошиблась она или нет.

* * *

Ребенок умирал, в этом сомневаться не приходилось. Хрупкое синюшное тельце изогнулось на больничной койке, глаза закатились, воздух покидал легкие с тяжелым хрипом. Это был не первый приступ, но пока самый тяжелый. Да иначе и быть не могло! Оуден давно понял, что состояние девочки ухудшается, он просто не хотел в это верить.

Он сделал для нее все, что мог. Другой врач, возможно, сразу сказал бы родителям, что надеяться не на что, и отослал бы их домой. Но не он... Он не поступил бы так ни с одной пациенткой, а со своей племянницей – тем более.

Ей дали отдельную палату, где с ней постоянно оставалась мать. Девочку поддерживали питательными растворами, ей сделали укол обезболивающего, но в глубине души Оуден понимал, что он тушит грандиозный пожар, дуя на него через соломинку. С самого рождения этого ребенка было ясно, что дойдет именно до такого финала. Но как это принять, как сказать родителям? Поэтому Оуден вместе со всей семьей помалкивал и надеялся на чудо.

Однако чудо не произошло. Девочка не прожила на свете и семи лет, а в больницу попадала уже третий раз. Возможно, в последний...

Очередная судорога отступила, девочка расслабилась, и на миг Оудену показалось, что это – всё. Предел, конец ее страданиям. Но нет, детский организм упрямо держался за жизнь, впалая грудь двигалась в мерном хриплом дыхании. Она просто потеряла сознание, но смерть отступила... пока отступила.

Убедившись, что девочку больше не нужно держать, ее мать повернула к Оудену злое заплаканное лицо.

– Ты же врач! – прошипела она. – Сделай что-нибудь!

– Я и так делаю... – попытался оправдаться он, но Беттали, как всегда, перебила его.

– Ты мало делаешь! Посмотри на нее! Ей же больно, ей плохо... Она страдает! Ты ее дядя, ты обязан!..

Он многое мог бы сказать ей и о многом напомнить, и все же Оуден промолчал, хотя это стоило ему немалых усилий. С Беттали бесполезно разговаривать. Если она не слушала его в лучшие времена, то теперь и подавно не послушает. Она – мать, перед которой умирает ее дитя, нет смысла уповать на ее благоразумие.

– Останься с ней, – велел Оуден. – Мне нужно поговорить с Джованной.

– Да! Поговори с ней! Нам нужно лекарство!

– Сиди здесь, Бет. Если я узнаю, что ты покидала палату, вы с малышкой сегодня же отправитесь домой. Ты знаешь, к чему это приведет.

Беттали снова злобно зыркнула на него, но все же замолчала. Горько по-своему... Оуден уже сейчас знал, что даже если ему удастся спасти девочку, благодарности он не получит. Только упреки за то, что не сделал это достаточно быстро и с улыбкой на лице.

Но сначала нужно спасти ее, а это очень непросто...

Оставив палату племянницы, он поспешил наверх, туда, где располагался кабинет главного врача колонии. Джованна не ожидала его прихода, но согласилась принять. По ее взгляду сразу было понятно: она догадывалась, о чем он попросит.

И соглашаться она не собиралась.

– Ей нужно лекарство, – просто сказал Оуден. Он не видел смысла придумывать какую-то новую причину, ситуация и так была на виду.

– Нет.

Собственно, вот этого ответа он и ожидал. Слово «Нет» давно уже было между ними, оно висело в воздухе зловещей тенью с того дня, как он положил свою племянницу в больницу. Оуден не начал разговор раньше как раз по этой причине: пока смертный приговор не прозвучал, еще можно наивно верить, что существуют и другие варианты.

Но вот безжалостное слово разрезало воздух, а отступить Оуден все равно не хотел.

– Я бы не просил, если бы это не было важно. Но ей всего шесть лет!

– Даже не начинай, – прервала Джованна. – Не нужно давить на жалость, рассказывать, сколько ей лет, что она любит и какая она милая девочка. Решения в колонии принимаются не так.

В этом она была права... Лекарства всегда было мало, а сейчас – особенно. Насколько было известно Оудену, при последней вылазке за сырьем на меров напали. Они понесли серьезные потери, а добыли даже меньше, чем обычно.

Поэтому для распределения оставшегося лекарства был введен особый протокол, и маленькая девочка в него никак не вписывалась.

– Ты же знаешь, что лекарство полагается только взрослым, – холодно указала Джованна.

Нельзя сказать, что дети были совсем уж не важны для колонии. Очень важны! Дети – будущее, как ни крути. Но только здоровые дети. Младенцев в последние годы рождалось достаточно много, даже больше, чем требовалось для существования колонии. При этом ни места, ни еды больше не становилось.

Никто не мог запретить женщинам рожать детей. Однако все знали негласный закон: выжить дозволено только самым здоровым. Поэтому Оуден и другие врачи никого толком не лечили, они просто поддерживали организм пациентов, но решающую роль все-таки играла иммунная система. Это было жестоко, но действительно: те, кому удавалось дожить до зрелости, болели редко, отличались силой и выносливостью.

А если учитывать, что по-настоящему ценен для колонии был только взрослый молодой человек с крепким иммунитетом и хорошим образованием, у младших детей его сестры не было ни шанса. Как, впрочем, и у самой Беттали.

– Но если бы заболел я, мне бы ты выдала лекарство? – спросил Оуден.

– Ты же знаешь, что да.

– Так выдай, будто это мне! Я им никогда не пользовался.

– Снова ты ведешь себя как ребенок, – заметила Джованна. – Такое тоже не дозволено.

– Но почему?

– Потому что лекарство, как и право на жизнь, дается не за имеющиеся заслуги, а в счет будущих. Если бы ты заболел, тебя бы лечили не потому, что ты доктор уже сейчас, а потому, что ты был бы полезен колонии завтра и послезавтра.

– Мы не знаем, будет ли девочка полезна колонии!

– Вот именно. Нет уверенности – нет лекарства.

– Шансы пятьдесят на пятьдесят, – настаивал Оуден. – Это не так уж мало!

– Нет. Если это дитя пойдет в мать, ее шансы быть полезной гораздо ниже пятидесяти процентов. Колонии не нужна вторая Беттали.

Что ж... Больно, зато честно. Джованна только что произнесла вслух то, что Оуден и так знал, просто не хотел принимать.

Сложно сказать, когда их с сестрой пути стали такими разными. Шансы у него и Беттали были одинаковыми, возможности – тоже. Но если он предпочел учиться, зная, что врачи будут нужны всегда, то Бет не напрягалась. Она сразу заявила, что будет одной из разнорабочих, однако даже в этой нехитрой роли она почти не работала. Она быстро смекнула, что общество поддержит молодую мать с ребенком, и первого сына родила очень рано. От кого – она и сама толком не знала, но это было не так уж важно, такое в колонии дозволялось.

Расчет Беттали оправдался: ее освободили от работы, дали новый дом, помогали едой. Поэтому она, не задумываясь, родила второго ребенка, потом третьего, четвертого... Отцы у всех были разными, только начиная с четвертого ребенка она завела себе какого-то постоянного партнера. Но партнер этот оказался настолько безмозглым существом, что Оуден даже не потрудился запомнить его имя. К камню и то уважения больше!

Тут важно было другое: Бет слишком увлеклась. Она легко переносила беременность и роды, а потому решила, что материнство – это ее призвание. Однако ее организм был настроен не столь оптимистично. Частые беременности измотали ее, и уже пятый ребенок родился болезненным и слабым. Тут Беттали полагалось остановиться, задуматься, попытаться обеспечить хорошую жизнь тем детям, что уже живут на свете. А она не могла, за прошедшие годы она убедила себя, что ее задача – рожать, растить потомство будет колония.

История повторилась. Трое ее младших детей страдали серьезными врожденными патологиями. Младшенькая, вон, с трудом дышала... А Беттали, сделав вынужденную паузу в несколько лет, теперь была беременна восьмым ребенком.

Оуден пытался предупредить ее, что так будет: что за ребенком нужен особый уход, иначе болезнь прогрессирует. А толку? Сестра его слушала, но не слышала. Ей казалось, что если он – врач, он и должен заботиться о здоровье ее детей. Тем более что своей семьи у него нет, чем ему еще заниматься?

И вот дошло до этого... До ситуации, когда спасти ребенка может только лекарство, которое ему не положено. Оуден понимал, что Джованна во всем права. По протоколу ситуация однозначная, девочка должна умереть. Но он не мог этого допустить! Может, его сестра и дура, каких мало, но дети в этом не виноваты. Оуден любил своих племянников и готов был ради них на многое... на все.

– Джо, я все равно получу лекарство. Девочка без него умрет. Я не могу отступить.

– Это что, угроза? – еле заметно усмехнулась Джованна.

– Ни в коем случае. Я получу его легально.

– Что?... – она смутилась, не зная, как реагировать. А потом до нее дошло. – Оуден, ты с ума сошел?!

– У меня нет выбора.

– Вообще-то, есть: отступить и позволить природе сделать свое дело.

– Я так не могу, Джо.

– Оуден... я лично проводила осмотр девочки, когда она попала к нам первый раз. Там не только в легких дело. Повреждены почки, печень, кости не в порядке... Даже если она получит лекарство сейчас, это поможет ненадолго. Ты не сможешь спасти ее вечно.

– Но я хотя бы попытаюсь.

Он так и не сказал, что собирается делать. Это было не нужно: они оба знали. Только один путь открывал неограниченный доступ к лекарству, да и ко многим другим привилегиям.

Превращение в мера, а вместе с этим – добровольный отказ от собственной человечности.

Глава 2

Это был запасной план. Не пресловутый «План Б» даже, а последний, тот, к которому обращаются лишь в крайнем случае. Но что еще ей оставалось, если другие возможности она уже исчерпала?

Ноэль давно усвоила, что ее не переведут на спокойную работу только потому, что ей так хочется. Она пыталась заслужить перевод, тайно сообщая руководству о творящемся на корабле. Однако Триан заметил это и пресек, других возможностей выслужиться у нее не было. Оставалось лишь два варианта: смириться со своей судьбой или все-таки сорваться, пусть и не лучшим способом.

Сначала она попыталась смириться. Ноэль подавила внутренний протест, избавилась от тревоги, приняла следующую миссию вместе со всеми остальными. А что в итоге? Она чувствовала себя откровенно лишней. Ей казалось, что она все делает не так, и она не могла спастись от страха, который недопустим для солдата специального корпуса. Остальные постоянно косились на нее то с раздражением, то с осуждением. Разве это нормально? Разве так можно работать?

Ту миссию она кое-как закончила, потому что не так-то просто уволиться на чужой планете! Ей нужно было вернуться к цивилизации вместе со всеми. А когда «Северную корону» направили на крупную космическую станцию для подготовки к следующему заданию, Ноэль решилась на отчаянные меры.

Она пошла к психотерапевту.

Не к обычному, конечно, на них надежды не было. Она запросила консультацию у военного психотерапевта, оценивающего состояние солдат специального корпуса. Ноэль знала, что здорово подставляется этим. Психотерапевт может освободить ее от должности штатного хилера «Северной короны», это правда. Но и про карьеру можно забыть навсегда. В лучшем случае ее переведут на ничего не значащую должность где-то на краю Вселенной. В худшем – направят на лечение, а с лечения мало кому удавалось вернуться.

Вот поэтому она и считала этот план запасным, нежелательным, а до него все-таки дошло. Ноэль решила, что, раз она не в состоянии наладить собственную жизнь, она хотя бы освободит от своего присутствия «Северную корону». С другим хилером им будет лучше!

Военным психотерапевтом оказалась женщина лет пятидесяти, подтянутая, молчаливая и доброжелательная. Она не говорила ничего особенного, однако Ноэль сразу почувствовала: ей можно доверять. Хилер рассказала ей о своих миссиях – как могла. О многом пришлось умолчать. Инструкция предписывала ей максимальную откровенность, но страх перед Трианом был слишком силен. Ноэль казалось: он обязательно узнает все, что она тут наболтала, даже если это кажется невозможным. Для него нет ничего невозможного, он же чудовище! Поэтому даже теперь она не могла позволить себе настоящую свободу, она пропускала все свои откровения через фильтр под названием «Понравилось бы это Триану?»

Беседа длилась дольше, чем ожидала Ноэль, и все это время психотерапевт больше слушала ее, изредка задавала наводящие вопросы, никогда не перебивала и не осуждала. Как только хилер закончила, она отреагировала сразу же – без тяжелых пауз, которые сейчас выматывали нервы.

– Я понимаю, что вам непросто, Ноэль. Насколько я знаю, еще до того, как «Северную корону» перевели на миссию «Исход», вы столкнулись с травмирующей ситуацией.

Ноэль вздрогнула, как от удара – это она вспоминать не хотела. Потому и не сказала ни слова о той истории! Но стоило ли удивляться, что психотерапевт знает? Это же, формально, доктор, у нее есть доступ к личным делам всех солдат... Кроме разве что Легиона.

Она никогда не скрывала свой роман со штатным телепатом, которого потом заменили на Альду Мазарин. И она тяжело переживала разрыв отношений с ним. Но теперь это казалось таким далеким, будто и не с ней произошедшим...

Тем не менее, спорить Ноэль не стала.

– Да, это было не просто.

– А до того вы работали на флот достаточно недолго. Вы молоды, Ноэль, и от природы тревожны. Думаю, ваш прошлый телепат сразу понял это. Он не просто встречался с вами, он поддерживал ваше спокойствие – телепаты это умеют.

Психотерапевт не сказала «любил». Только «поддерживал». Оно и к лучшему... Пока их роман продолжался, Ноэль верила, что он ее любит, она ни за что не усомнилась бы в этом. Но после перевода он ни разу не попытался связаться с ней – хотя мог бы! Разве это любовь? Нет, конечно. Она была удобна ему, пока они могли спать в одной койке. А когда она исчезла с глаз долой, он просто завел себе очередную молоденькую девочку!

– Поэтому расставание с ним стало для вас особенно тяжелой травмой, – продолжила психотерапевт. – Далее вас перевели на миссию «Исход», которая считается миссией повышенной сложности. Что же мы имеем в сухом остатке? Незначительный опыт, травму, давление ответственности. Ноэль, вполне нормально, что вы испытываете сильный стресс.

– Вы не понимаете! – не выдержала Ноэль. – Я не справляюсь! Я все время боюсь!

– Это и есть стресс.

– Да, но каждый солдат должен решить свою проблему, а я не могу!

– Почему вы считаете, что решение проблем происходит мгновенно? – удивилась психотерапевт. – Чем серьезнее проблема, тем больше времени она требует. Солдаты специального корпуса – это тоже люди, Ноэль. Да, люди с особыми способностями. Это дает некоторые преимущества, но не изменяет коренным образом ваш разум.

– Я боюсь, что подведу всех, – прошептала Ноэль, чувствуя, как глаза обжигают слезы. Ну вот, отлично! Разве может солдат сидеть тут и рыдать?!

Однако психотерапевт и бровью не повела.

– Ноэль, от вашего капитана не поступало ни одной жалобы на вас. На проводившемся недавно анкетировании члены экипажа поставили вам достаточно высокую оценку.

– Они просто слишком добры ко мне!

– Разве? Но такими высказываниями вы ставите под сомнение их профессионализм и верность космическому флоту.

Ноэль тут же прикусила язык. Этого она точно не хотела! Она знала про анкетирование, но не знала результат. Ей казалось, что команда выставит ее там полной дурой, потому что все хотят от нее избавиться! А получилось вот что...

– Как вы думаете, Лукия Деон – хороший капитан? – вкрадчиво поинтересовалась психотерапевт.

– Отличный!

– Вот и ответ на все ваши вопросы. Если она готова видеть вас в команде и дальше, вы на своем месте.

– Но что, если я не справлюсь? – всхлинула Ноэль. – Что, если подведу всех?

– Послушайте... Думать об этом – вполне нормально. Это лишь означает, что у вас по-прежнему высокая степень эмпатии и вы чувствуете ответственность за свою команду. Это очень хорошие черты для хилера с вашим уровнем способностей. Достоинственно уравнивающие некоторые ваши недостатки. Сейчас вы переживаете кризис, такое случается. Но, выбравшись из него, вы станете лучшим человеком и специалистом.

Не на такой исход разговора Ноэль надеялась... совсем не на такой! Ей казалось, что все уже предрешено: отсюда она направится напрямик в зону ожидания для дальнейшего перераспределения, а свою команду больше не увидит.

Но вот ей предстояло вернуться на «Северную корону» – а она была к этому совершенно не готова.

– Значит, вы считаете, что я в состоянии выполнять миссию «Исход»? – переспросила Ноэль.

– Вы даже в состоянии делать это хорошо. Чтобы вы лишний раз не волновались: об этом разговоре никто не узнает, даже ваш капитан.

– Как будто я не найду другую причину поволноваться, – горько усмехнулась хилер. – Я только это и делаю!

– Ноэль, милая, послушайте меня... Я могу пойти на поводу у ваших комплексов и рекомендовать ваш перевод на кабинетную или преподавательскую работу. Но я не буду этого делать, потому что вижу: в долгосрочной перспективе это вам серьезно навредит.

– Почему?

– Потому что вы и там не будете счастливы. У вас и там не будет ощущения, что вы на своем месте. В какой-то момент, и довольно скоро, вы начнете корить себя за то, что покинули «Северную корону». Вы не будете уверены, что новый хилер позаботится о них так же, как вы. Ваше спасение не в том, чтобы сменить одну работу на другую. Проблема не во внешнем мире, а внутри вас. Найдите то, что дарит вам уверенность и покой. Тогда вы и поймете, что оказались там, где должны быть.

* * *

Меры его приняли. Конечно, приняли! Они сейчас кого угодно принимали: на прошлой вылазке они понесли серьезные потери. Но даже без этого, даже если бы они могли позволить себе разборчивость, они все равно с готовностью ухватились бы за Оудена. Еще бы! Молодой, сильный, образованный... Такие люди к ним обычно не приходили. Потому что такие люди и не должны были приходить, они освобождались от любой повинности перед мерами. Они могли явиться только добровольно, что и делал теперь Оуден.

Какая ирония. Он делал то, чего боялся всю жизнь – и чего отчаянно хотел избежать.

Он не отрицал, что меры нужны колонии. Да они ее когда-то спасли! Первым поселенцам тут было непросто... Они старались изо всех сил, потому что понимали: другого дома у них уже не будет, корабль не взлетит. Но мир, который их встречал, был совсем не приспособлен для людей. Они могли продержаться год, два, три – исключительно на запасах, которые привезли с собой с Земли.

Ну а дальше-то что? Запасы нужно пополнять, территорию – исследовать, корабль – чинить. Для всего этого у них не было никаких материалов. Люди – создания сухопутные, а их со всех сторон окружала вода, населенная существами, по всем параметрам соответствующими слову «чудовища».

Вот тогда и было сделано открытие, которое все изменило. Одна из водных тварей, обитавших на этой планете, похоже, с начала веков, была способна повлиять на человека, ускорив и изменив его естественную эволюцию. Проще говоря, использование стволовых клеток местного существа превращало человека в гибрида – а главное, в амфибию. В того, кто мог выжить в воде, исследовать ее, подчинить!

Так и появились меры. Все еще люди – но уже не люди. Особенности, наделенные огромным количеством привилегий, но вместе с тем лишены природных основ. Когда Оуден был маленьким, он смотрел на них, понимал, что они не так уж сильно отличаются от людей, и все же каким-то непостижимым образом чувствовал, что они не люди. Уже нет. Когда кто-то из меров оказывался рядом, он спешил отвести взгляд, а то и вовсе уйти подальше. Правила колонии предписывали восхищаться мерами, даже преклоняться перед ними. Но Оуден так не

мог. Для него между мерами и людьми всегда существовала незримая граница, которую нельзя пересечь.

Масла в огонь подливала еще и его мать. Она ненавидела меров всем сердцем, а за что – он так и не узнал, эту тайну она унесла с собой в могилу. Но уж пока она была жива, и дня не проходило, чтобы она не поливала морских воинов проклятиями. Естественно, делала она это только перед своими детьми. Если бы она попробовала делать это открыто, прожила бы куда меньше.

За Беттали мать особо не переживала: она знала, что мером может стать только мужчина. Таков закон. Когда Оуден был маленьким, ему казалось, что это одно из тех правил, которые просто появляются сами по себе и никто не смеет их нарушать. Повзрослев и став врачом, он разобрался, что у всего есть практическая причина. Мутация в мера делала человека бесплодным. В этом отношении, колония с большей готовностью жертвовала мужчинами.

В любом случае, все детство Оудена меры для него с подачи матери были монстрами, низким уровнем падения. Даже перед смертью она твердила ему, что он не должен прельщаться их привилегиями и легкой жизнью. Все, что угодно, лишь бы остаться человеком до конца!

И он дал ей слово. Оуден выучился на медика, потому что врачи всегда были нужны, он даже вошел в число лучших. Он немалым трудом добился той жизни, которую мечтала обеспечить ему мать. Ради своих интересов он никогда не отрекся бы от клятвы.

Но сейчас ведь речь шла не о его интересах...

Только так он мог добиться для своих племянников полноценного лечения, иного легального пути не было, а он слишком ценил дружбу с Джованной, чтобы просить свою начальницу нарушить закон. За такое можно проститься не только с карьерой, но и с жизнью. Поэтому он пришел к мерам и честно изложил свою просьбу. Они были рады его принять. Теперь дети получили лекарство, Беттали снова была довольна жизнью и ни о чем не сожалела, а он ждал своей участи в темной комнате.

Наконец ожидание закончилось, к нему вышел сам Седар – нынешний лидер меров. Из-за своей неприязни к морским воинам Оуден не стремился постоянно наблюдать за ними, поэтому он слабо представлял, как они выбирают своего главного. Он только знал, что смена власти происходит раз в несколько лет, всегда спокойно. Один лидер уходит, назначая преемника, вот и все.

– Мы завершили тесты, – сказал Седар. – Ты готов.

Оуден понимал, что это значит. Он ни разу не видел мутацию, но знал, что это тяжелый и болезненный процесс, который далеко не всем удавалось пережить. По-хорошему, за мутацией должны были наблюдать врачи, но меры давно уже этого не допускали. В колонии у них была своя территория, на которую они закрыли доступ людям.

В том, что он пройдет тесты, Оуден не сомневался. Он был здоров... у него вообще не было причин соглашаться на мутацию! Но в то же время, были ли у него причины держаться за человечность? Тут тоже все не так просто.

Обычно он не любил об этом думать, потому что такие мысли его расстраивали. Но раз уж он согласился на мутацию, можно дать им волю. Возможно, они сделают расставание с прежней жизнью чуть проще.

За что ему держаться, в самом-то деле? То, что Беттали ляпнула в очередном приступе злости, оказалось правдой: он стал одиночкой. Из всей семьи у него были только племянники и сестра. Это был его выбор, как ни крути. Если бы он захотел найти жену или любовницу, это было бы очень просто: женщины всегда тянулись к врачам, к той жизни, которую они могли обеспечить. Стоило Оудену поманить пальцем, и у него была бы партнерша – причем не обязательно с низшего уровня, возможно, из тех, кто с образованием. Почему нет? Он ведь был не просто умен, он был красив – он знал это...

Но ему не нужны были такие трофеи. Может, если бы его вообще никто не привлекал, он бы уже согласился выбрать женщину получше, обзавелся собственными детьми и тогда точно не согласился бы на мутацию. А у него была Лаирда...

Точнее, у него Лаирды не было, она просто жила в колонии. Впервые Оуден обратил на нее внимание, когда она пела. Ее голос все знали! Лаирда жила среди разнорабочих, у нее не было шанса получить хорошее образование и подняться на уровень выше. Но природа щедро одарила ее: и голосом, и редкой красотой. Ее никогда не вынуждали работать, она была украшением колонии.

И она была гордой. Другая бы сразу же побежала к Оудену, а она отказалась. Это еще больше пленило его... Ему важно было знать, что она не очередная искательница сытой жизни, она свободна, а значит, она достойна уважения.

С того дня Оуден добивался ее, искал с ней встреч, делал все, чтобы заполучить ее внимание. Без толку! Лаирда была умна, она наверняка распознала, что он чувствует. Ей это просто было не нужно. Она искала собственной любви – и в этом поиске смотрела прямо сквозь Оудена.

Ему пришлось сдаться. Но, не получив ее, он не хотел больше никого. Так он и остался без собственной семьи, и ему не за кого было держаться. Что в жизни еще важного, друзья? Друзья у него были, но они легко проживут и без него. Карьера? В этом отношении мер для колонии важнее, чем врач, увы.

Как ни крути, он подходит на роль жертвы, которую можно принести ради спасения детских жизней.

Они с Седаром прошли по узким коридорам, освещенным так плохо, что Оуден чуть ли не каждые пять минут спотыкался. Его спутник заметил это.

– Потерпи, – бросил Седар. – Скоро это прекратится.

– Что именно?

– Твоя человеческая слабость. Недостаток света больше не будет иметь для тебя значения. Тебе достаточно будет одной искры, чтобы видеть все до самого горизонта.

Об этой стороне жизни меров он знал как раз очень мало. Да и не он один! Меры давно уже существовали сами по себе, как отдельный народ внутри народа. В первом поколении они еще общались с учеными, потому что это было необходимо. Но с тех пор прошло много лет... Да и потом, ученый, который открыл мутацию, ввел стволовые клетки и себе, он сам стал мером, укрепив их в решимости отделиться от людей.

Седар привел Оудена в небольшую квадратную комнату. Помещение было совсем крохотным, тут стояла только высокая кровать и четыре капельницы, расположенные по обе стороны от нее.

Оудену это место сразу не понравилось – всем без исключения. Крупным стоком для жидкости в полу. Ножками кровати, прикрученными к этому самому полу ровно над стоком. Крепкими ремнями, которым предстояло удерживать его на кровати. Тем, что в комнате не было окон – и он давно уже потерял направление, он не мог сказать, в какой части колонии вообще находится. А главное, тем, что в одной из капельниц, кажется, что-то шевелилось – что-то, скрытое в мутной черной жиже...

Ему хотелось уйти. Просто отказаться от всего, бежать отсюда, да хоть за борт прыгнуть, лишь бы не позволять им сотворить с собой такое! Это было не осознанное желание, а, скорее, последняя вспышка инстинкта самосохранения, понимающего, что его ждет.

Но Оуден переборол себя. Если он уйдет или умрет, его племянники сразу же перестанут получать лекарство. Вот и все, что важно сейчас.

– Неплохо, – оценил Седар. – Обычно на этом этапе начинается торг... или слезы.

– И что, кому-нибудь помогало?

– Нет, но запоминалось.

– Мы ждем кого-то еще?

Ему казалось, что такую сложную процедуру должна проводить целая бригада! Однако поблизости он никого не видел и не слышал шагов.

– Это ни к чему, – отозвался Седар. – Ты ведь не собираешься убежать?

– Нет. Но если бы собрался, разве тебя одного не хватило бы, чтобы остановить меня?

– Правильно мыслишь. Ложись.

Седар вел себя не так, как полагалось лидеру – и не так, как руководители колонии. Он позволял Оудену, еще даже не прошедшему мутацию, обращаться к нему на равных. Он не нуждался в почестях, он и так знал, кто здесь сильнее.

Оуден лег на кровать, и мер лично затянул на нем ремни, а потом только начал по одной вводить иглы катетеров. Делал он это болезненно и не слишком умело, но волноваться о таких мелочах больше не было смысла. Оуден равнодушно рассматривал темный металлический потолок.

– Это будет долго? – спросил он, когда Седар закончил подготовку.

– По-разному бывает. От семнадцати до двадцати четырех дней, зависит от восприимчивости организма к агенту. Это плохая новость. Но есть и хорошая, даже две.

– Неужели?

– Первая – важен не весь срок мутации. Важны только первые девять-десять дней. Если за это время ты не умрешь, значит, не умрешь вообще. Вторая – ты это время все равно не запомнишь.

– Почему?

– Отключишься, – просто пояснил Седар. – Боль будет настолько сильной, что твой разум этого не выдержит. Да и самое начало ты вряд ли запомнишь – время потеряет привычный ход. Так что ты почувствуешь эту боль лишь отчасти, все остальное тебе может даже понравиться.

– «Все остальное»? Это еще что должно означать?

– Это нельзя объяснить словами. Ты поймешь, когда испытаешь это... Если испытаешь. Не у всех получается. Но у меня получилось, и, могу тебе сказать, это остается с тобой на всю жизнь.

Он больше ничего не добавил, а Оуден не счел нужным спрашивать. В болтовне и правда нет смысла, ему придется пройти весь путь до конца.

Седар приглушил в комнате свет и направился к выходу, но как он уходил – Оуден уже не увидел. Боль пришла гораздо быстрее, чем он ожидал.

Сначала она была не такой уж страшной. Просто жжение, как будто очень горячая вода, не кипятком даже, разливается по венам. Но жар стремительно нарастал, и вот уже горячая вода превратилась в расплавленный металл. Боль заполняла все его тело, уничтожая его, пробираясь в каждую клетку, стирая то, что было, и заменяя чем-то новым... или не заменяя? У Оудена не было сил открыть глаза и взглянуть на себя, а значит, не было уверенности, что он на самом деле не исчезает.

Когда он шел сюда, он думал, что не будет кричать. Что бы ни случилось, он должен принять это с достоинством – и все такое. Но потом оказалось, что решения значат не так уж много. Налет знаний, воспитания и опыта стирается, обнажая первобытное. Он даже не понял, как вырвался первый крик, и не слышал сам себя. Это было не важно. Он дошел до того состояния, когда время действительно потерялось. Ему казалось, что его личный ад длится целую вечность, что спасительный миг облегчения никогда не наступит...

А потом произошло то, что и предрекал Седар. Оуден просто утратил связь с собственным телом. Может, он вообще умер? Или растворился, распался на молекулы, его просто нет? Он не выдержал испытание?

По крайней мере, чувство было именно такое. То, что происходило с ним сейчас, оказалось не похоже ни на обморок, ни на сон.

Он не был – и вместе с тем был. Просто уже не в колонии, не в темной комнате, не в плену кожаных ремней. Он был под водой. Как и все обитатели колонии, Оуден умел плавать, но ему редко выдавали на это разрешение. А даже когда получалось, он держался в основном у поверхности.

Теперь же он был во власти воды, и поверхности просто не существовало. Вода была темной и мутной, но он все равно видел, что происходит вокруг него. С одной стороны волновались гигантские полосы водорослей – живых, а не тех, которые попадали в колонию уже обрывками. С другой что-то двигалось, быстрое, светлое, блестящее. Он тоже двигался. Он не хотел этого, но и не сопротивлялся, ему как будто было все равно... Нет, не так. У него просто не было собственных желаний, он готов был принять все, что ему уготовано.

Он несся вперед вместе с потоком через водное пространство, через вспышки света, через мысли и чувства, которые никак не могли принадлежать ему. Он ощущал парение – такого с ним раньше не случалось. И боли больше не было! Он будто превратился в частичку бескрайнего мира, однако такая потеря собственного «я» не угнетала его. То, что с ним происходило, отзывалось в его душе каким-то невероятным подсознательным восторгом.

Ему казалось, что он пробыл там тысячу лет – и хотел пробыть еще столько же. Но ему не оставили выбора. Свет оборвался, и непреодолимая сила потянула его куда-то в сторону, подальше от потока.

Его тело прошло через боль и теперь, восстановившись, призывало разум.

Он очнулся все в той же комнате и все выглядело так, будто отключился он всего полчаса назад. Оуден догадывался, что это просто иллюзия. Теперь уже как раньше не будет, и тот, кто вошел сюда, сильно отличался от него нынешнего... Доказательством этого служило то, что он, желая подняться, без труда порвал кожаные ремни, привязывавшие его к кровати.

– Неплохо, – оценил Седар, наблюдавший за ним со стороны двери. Позади лидера стояли два мера, которых Оуден раньше не видел. – Хотя и не обязательно. Тебя бы и так отпустили. Зачем нам сдерживать одного из нас? Твое перевоплощение прошло успешно. Добро пожаловать в семью, брат.

* * *

Альда до последнего надеялась, что все обойдется, что Триан просто ошибся в своих расчетах. Это было наивно. Триан никогда не ошибается.

Само задание им еще не объявили, но это было не так уж важно. Альда уже знала, что корабль переходит в режим прыжка. А значит, заданная цель находится очень далеко... И это плохо. Там им не помогут, если что-то пойдет не так, хотя, справедливости ради, они и раньше не звали космический флот при первых же неприятностях.

Тут важнее кое-что другое: имеет ли это дальнейшее назначение отношение непосредственно к «Северной короне»? Пожалуй, нет. Триан сказал, что Легион зачем-то рассылает в разные стороны свои самые сильные номера, а значит, самых могущественных воинов. Это проблема Легиона, которая вряд ли на них повлияет. Можно не мучиться угрызениями совести из-за того, что она скрыла правду от капитана Лукии.

Хотя Альда до последнего надеялась, что капитан как-нибудь догадается сама. Все-таки Лукия Деон – семнадцатый номер в иерархии, это очень высоко, она многое замечает. Если она напрямую спросит Альду, не известно ли той что-то, телепатке придется ответить, все будет честно, даже Триан ее за такое не осудит...

Но Лукия так ничего и не спросила. Когда Альда вошла в зал общих собраний, капитан скользнула по ней равнодушным взглядом, позволяя занять свое место. Зато Триан среагировал мгновенно, его мысли тут же ворвались в ее голову.

«Ты можешь не дергать глазом?»

«Я ничем не дергала!»

«Спорно. Достаточно взглянуть на тебя повнимательней, чтобы понять: тебе нейдет».

«У меня могут быть личные причины!»

«Но тебя все равно будут спрашивать о них, – рассудил Триан. – А врать ты по-прежнему не умеешь и посыплешься мгновенно. Поэтому веди себя как обычно: сиди и ничего не делай».

Ворчать он мог сколько угодно, Альда уже видела, что никого не насторожила. Внимание на нее обращал только Киган, да и тот бросал в ее сторону тоскливые взгляды совсем по другой причине.

Остальные же были равнодушны к ее тревогам. Лукия спокойно дожидалась, пока все соберутся. Стерлинг Витте выглядел так, будто на техобслуживании ему вкрутили болт не в то место. Рале, сидящий по правую руку от капитана, был доволен, как кот, добравшийся до сметаны. Это хорошо – значит, ему удалось преодолеть внутренний кризис, чуть не погубивший его на прошлом задании.

Ноэль Толедо казалась печальной и задумчивой. Но это не из-за Альды и не из-за миссии. Она еще на станции выглядела так, будто готова была расплакаться в любой момент. Естественно, это насторожило штатную телепатку, и Альда осторожно проверила сознание хилера. Однако Ноэль не собиралась вредить себе или окружающим, а перепады настроения были ее личным делом.

Как только все члены команды собрались за столом, Лукия вывела на экран изображение планеты, зависшей в темноте космоса на фоне ярко пылающей звезды. Сама планета из-за такого соседства казалась темной и безжизненной, на снимке, полученном явно с разведывательного спутника, невозможно было рассмотреть на ее поверхности хотя бы один континент.

– Перед вами Кеплер 62ф, – сказала Лукия. – Как несложно догадаться, это планета при звезде Кеплер 62. Известен еще с начала двадцать первого века, но изучен весьма условно. Изначально был причислен к планетам с высокими шансами на подходящую для жизни атмосферу, поэтому и был включен в программу «Исход».

Лукия не стала уточнять, что это все равно была лотерея, все и так понимали. Во времена «Исхода» знания о потенциально обитаемых планетах основывались в основном на теоретических расчетах. Корабль, добравшийся до нужной точки, вполне могло ожидать нечто совершенно иное, что означало бы верную смерть, поскольку обратная дорога предусмотрена не была.

Это понимали все участники проекта, планеты распределялись методом простейшей жеребьевки. Но тем, кому досталась планета Кеплер 62ф, не повезло особенно.

– Планета расположена в созвездии Лиры на расстоянии примерно тысячи двухсот световых лет от Солнца, – сообщила Лукия.

– Ого! – присвистнул Рале. – А не далековато ли? Как они вообще долетели?

– Интересный вопрос, – подключился Киган. – Я изучил все модели кораблей, принимавших участие в «Исходе». Для любой из них такое расстояние – почти предел, риск не долететь значительно повышается. Почему вообще выбрали эту планету?

– Потому что решение принимается не только на основании расстояния, – пояснила Лукия. – Оно важно, не спорю, но это еще не все. Важна еще вероятность жизни на планете. На Кеплере 62ф она была выше, чем на других оставшихся незанятыми планетах. Видимо, капитан решил рискнуть дальним путешествием ради лучшего будущего для колонии. К Кеплеру в рамках проекта «Исход» направился колониальный корабль «Искатель».

– Ну и как? – полюбопытствовал Киган. – Оправдался риск капитана или нет?

Вместо ответа Лукия переключила изображение на экране, позволяя им ознакомиться с общими данными по планете – и снимками спутников, круживших теперь у ее орбиты. Всего этого сто лет назад не было... то, что они узнавали на безопасном расстоянии, капитану «Искателя» пришлось увидеть собственными глазами, когда обратного пути уже не было.

На первый взгляд, Кеплер и правда подходил для жизни. Планета стабильная, с великолепной атмосферой – есть и необходимый для дыхания кислород, и парниковый эффект, позволяющий температуре весь год удерживаться на показателе около двадцати градусов по Цельсию. Это было куда лучше, чем теоретические представления о Кеплере, с которыми колонисты отправлялись в путь: тогда считалось, что на планете намного холоднее.

И все же... Чем дольше Альда рассматривала снимки со спутников, тем очевиднее становился подвох. Однако поверить, что несчастные колонисты столкнулись с таким, было слишком страшно, и она предпочла спросить:

– А где земля?..

– А нет земли, – отозвался Рале, который, очевидно, и собирал все эти данные.

– Кеплер 62ф – водный мир, – добавила Лукия. – Наши спутники достаточно долго изучают его, чтобы можно было говорить уверенно. У планеты очень хорошие показатели для жизни. Но воды на ней слишком много, это один сплошной океан.

– Может, это еще изменится? – робко предположила Ноэль. – Суша сформируется...

– Маловероятно, Толедо. Кеплер, по нашим подсчетам, значительно старше Земли. Нет никаких оснований полагать, что там внезапно начнется процесс формирования континентов. Высока вероятность, что у этой планеты развитые фауна и флора, но – под водой.

– Тогда нам там нечего ловить, – заметил Киган. – Даже если «Искатель» долетел до планеты, как люди могли там выжить?

Да уж, их ожидало незавидное открытие... Вода – это лишь на первый взгляд хорошо. А если она только соленая? А если в ней обитают неведомые твари? А если есть попросту нечего? Это кого угодно к самоубийству подтолкнет!

Однако Альда, в отличие от Кигана, не спешила списывать колонистов со счетов. Во-первых, на одном из предыдущих заданий они столкнулись с планетой, где условия были куда хуже. Тьма, холод, вечные дожди и никакого воздуха! А люди там выжили, целый город построили. Да и потом, раз «Северную корону», одну из самых сильных команд флота, послали именно туда, основания должны быть посерьезней простых догадок.

– Как они могли там выжить – я вам не объясню, Рэйборн, – указала Лукия. – Я и сама этого не знаю. Но у вас будет шанс спросить их лично. Или, по крайней мере, их потомков.

– Да ладно... Они что, реально не утонули?

– Прикинь, – хмыкнул Рале. – Это, кстати, подтверждает мою теорию о том, что человек может приспособиться к чему угодно.

– Но где они тогда? – Альда снова присмотрелась к фотографиям. – Тут же ничего не видно!

– Не все снимки актуальны, – признал Рале. – У нас там только два спутника, а Кеплер этот на сорок процентов больше Земли. Карту пришлось делать методом склейки, временной промежуток порядочный. Поймать их в кадр мешает еще и то, что они постоянно движутся, а спутники не специально за ними следят, снимают все подряд.

– Они... движутся?

– Именно так, – кивнула Лукия. – По имеющимся у нас данным, по поверхности Кеплера постоянно движется один корабль.

– «Искатель»?

– Вот уж нет, – вмешался Киган. – Я не знаю, что за трюк они там провернули, но нет ни единой возможности переделать «Искателя» в стабильно движущийся корабль!

– И тут ты прав, – подтвердил Рале. – Корабль, который удалось обнаружить нашим спутникам, значительно меньше «Искателя» – раза в три-четыре. Полагаю, им удалось построить новый корабль на основе «Искателя».

– Но зачем им это делать? – изумилась Ноэль. – Зачем все время двигаться? Нельзя, что ли, какую-то платформу построить на воде, я не знаю...

– Гадать об этом нет смысла, у нас слишком мало данных о планете. Если люди это сделали, значит, у них не было выбора.

– Да уж, есть вопросы поважнее, – напомнил о себе Триан. Это уже было интересно: он почти никогда не участвовал в обсуждении заданий, в основном слушал, да и то с таким видом, будто все знал наперед. А теперь он решил проявить себя! – Какой нам толк от этой колонии? Если все, чего они достигли за сто лет, – это жалкий кораблик, они бесполезны. Зачем отправлять нас, именно нас, в такую даль?

Альда чуть не подпрыгнула от возмущения. Он издевается?! Уж он как раз должен знать, из-за кого им прилетело такое дурацкое задание!..

Но она сдержалась, ничего не сказала, а секундой позже порадовалась этому. Триан все прекрасно знал. Ему просто было интересно, как это объяснили капитану Лукии, догадывается ли она о чем-то.

Понятно, что с человеческой точки зрения любая колония достойна помощи, но космический флот мыслит иначе. Для них важно то, что можно получить! И Кеплер кажется не слишком перспективной территорией... Уж точно не настолько, чтобы посылать туда «Северную корону», хватило бы команды послабее.

Лукия тоже заметила странность, но истолковала по-своему.

– Нельзя оценить потенциал колонии только по размеру или образу жизни, нужна детальная разведка. Что же до назначения на эту разведку именно нас, рискну предположить, что это связано с завершением нашего предыдущего задания.

– Вот уж нет! – взвился Стерлинг. – Это похоже на месть, а космический флот никому и никогда не мстит!

– Как вам будет угодно, Витте.

– Я вот тоже считаю, что не в предыдущем задании дело, – ухмыльнулся Киган. – Они просто хотели отослать Стерлинга куда подальше!

– Я протестую!

– Достаточно, – прервала их Лукия. – Протестовать будете в свободное время. Мы вообще не должны интересоваться причинами, задание было поставлено перед нами, точка. И это задание требует определенной подготовки. До прибытия к Кеплеру у нас осталось несколько дней. Рэйборн, до этого времени вы должны будете модернизировать «Стрелу» с учетом посадки на воду.

– А вот это будет непросто, – помрачнел Киган. – Сесть мы, допустим, сможем, а подняться...

– Займитесь этим, ваши искрометные шутки, уверена, дождутся своего часа. Далее. Майрон, поработайте с показаниями спутника. Мы не можем гоняться за кораблем по всей планете. Необходимо рассчитать, где он будет на момент нашего прибытия, чтобы направить «Стрелу» к нему. Остальные могут готовиться к миссии по своему усмотрению, особых требований к вам нет. Вопросы?

– Ну что вы, капитан, – отозвался Триан, бросив быстрый взгляд на Альду. – Какие могут быть вопросы? Все всё поняли.

Глава 3

За переменами, происходившими в его теле, Оуден наблюдал с холодным любопытством врача. Он ожидал, что эти перемены дадутся ему тяжелее, что некоторое время он будет стыдиться того, кем стал. А ему было все равно, как будто что-то надломилось внутри. Если обратного пути нет, какой смысл сокрушаться?

Он все еще мог дышать на поверхности, но это давалось ему тяжелее, как будто воздух внезапно сделался неприятно горячим. Зато у него появились жабры – совсем небольшие на шее и крупные на груди, прямо над легкими. Управлять ими Оуден не мог, их работа была инстинктивной. На воздухе они закрывались сами собой, защищая жаберные щели от повреждений.

Еще у него довольно быстро сформировались перепонки между пальцами на ногах и руках. Но они были прозрачными и эластичными, они ему не мешали. Ногти начали удлиняться и крепнуть, он подозревал, что на их превращение в полноценные когти уйдет две-три недели. На некоторых участках кожи появилась чешуя, пока еще хаотичными островками, едва заметная. Однако и это было лишь начало... Ну и он стал сильнее. Это тоже отрицать нельзя.

Глядя на Седара, он понимал, что это не предел. Он пока застрял в переходном периоде, а потом у него будет больше чешуи, появятся небольшие гребни-плавники на лодыжках и локтях, полностью изменятся глаза – станут угольно-черными, лишены радужки и зрачка. Возможно, это как-то отразится на его силе... Сложно сказать. Но зачем вообще говорить? Ему оставалось лишь принимать.

Сам себе он с непривычки казался уродцем. Не то чтобы это было проблемой... Просто – факт. Он бы от себя шарахнулся. А остальные – нет: когда он выходил в колонию, к нему относились точно так же, как к другим мерам, его не выделяли среди них. Но, конечно, никто и не думал воспринимать его как прежнего Оудена.

Меры оказались благожелательней, чем он предполагал. Первые дни после перевоплощения ему позволили остаться в выделенной ему комнате, привыкнуть, подготовиться... Потом его позвали на вылазку. Он сказал, что не готов, но Седар лишь усмехнулся:

– Ты никогда не будешь готов, потому что никто не был. Нам остается только брать и делать.

Умом Оуден понимал, что у него есть жабры, что он может дышать под водой – будет дышать! Но ему потребовалась вся сила воли, чтобы решиться на прыжок с борта в синюю тьму. Он не знал, что там скрывается, и был уверен, что что-то пойдет не так. Он не представлял себя мером, даже став им.

Пока его разум метался на грани паники, тело работало исправно. Жабры открылись, ему не пришлось учиться дышать, это было так же естественно, как дышать на поверхности. Может, даже естественней. Плавал он все равно неуклюже, ему остро не доставало той грации, с которой двигались другие меры. Но и здесь его никто не торопил. Остальные постоянно были рядом, охраняя его, Оудену не требовалось ни охотиться, ни собирать водоросли. Он всего лишь оглядывался по сторонам.

И тут было, на что посмотреть! Он-то привык к тому, что Левиафан – это беспросветная синь от горизонта до горизонта. Вода, сливающаяся с небом. Из разнообразия только дожди и грозы. Планета, которая утонула миллиарды лет назад, так ничего и не породив.

Но на глубине его ожидал совсем другой Левиафан. Его новым глазам хватало даже скудного света, долетавшего с поверхности, чтобы различить десятки цветов, сотни форм, блеск и движение... Он не видел дно, оно было слишком далеко. Зато он видел гигантские водоросли, тянувшиеся оттуда, переплетавшиеся, волновавшиеся вокруг него. Как лес на архивных кар-

тинках, сохранившихся в колонии! И среди этих водорослей процветала жизнь: от крошечных серебристых бликов рыбок до вялых и сонных гигантов.

Оуден был заморожен этим. Он ненадолго забыл о своих сожалениях, он вообще не думал, кто он такой. Он просто смотрел вперед, впитывая в себя новую реальность.

Это не значит, что он совсем уж потерял контакт с окружающим миром. Когда Седар подал сигнал о возвращении, Оуден безропотно подчинился. Он уже усвоил, что меры общались со своим лидером открыто, дружески, но всегда слушались его, а любой спор карался очень сурово. Только с такой дисциплиной можно было выжить в водах Левиафана.

Когда они по выдвижной лестнице поднялись на корабль, Оуден с удивлением обнаружил, что здесь ему дышать чуть тяжелее, да и двигаться – тоже. Плавать человеком и плавать мером – совсем разные ощущения. То, что он испытывал там, было похоже на полет, для него просто не было границ. А здесь он снова стал одним из многих, прикованных к ограниченному пространству кораблика.

– Ну как, понравилось? – усмехнулся Седар.

– Да.

– Наслаждайся, пока можешь! Новичков недолго балуют. Когда твое тело окончательно изменится, будешь работать наравне со всеми.

– Я знаю.

Таков был договор, и Оуден собирался неукоснительно его исполнять. Он уже убедился в том, что его племянницу спасли. Меры свою часть сделки выполнили. Да и он выполнит, куда ж он денется. Никто и никогда не превращался из мера обратно в человека.

Его жизнь на корабле тоже сделалась другой. Здесь ему больше не приходилось работать, он стал одним из избранных. Оуден мог пойти куда угодно, делать что угодно, и везде его встречали с почетом. Ощущения от этого были двойственные. С одной стороны, приятно, когда для тебя нет запретов и тебе все пытаются угодить. С другой, он видел, что на него теперь смотрят не как на человека. Тот Оуден, которым он был раньше, для них умер. Но, может, это и правильно? Все они выросли с мыслью о том, что меры – особенные. Было бы глупо относиться к ним так же, как к людям!

В ожидании следующей вылазки он большую часть времени проводил в залах отдыха, как и другие меры. Он знал, что некоторые используют недолгие периоды покоя, чтобы повидаться со своей бывшей семьей. Оуден пока не был к этому готов.

Поэтому он укрывался в полутьме душных залов, пропахших выпивкой и дурманным дымом, и просто ждал. Он знал, что рано или поздно Лаирда появится на сцене. Он не ошибся.

В залах отдыха всегда кто-то пел, чаще – женщины, изредка – мужчины. Мерам больше нравилось смотреть на женщин, а все в колонии было подчинено их интересам. Женщины, чаще всего знакомые ему, выходили в пятна света в нарядах, которые шили сами. Эти наряды больше открывали, чем закрывали, однако так и было задумано. После перевоплощения меры теряли возможность иметь детей, но не интерес к женщинам. Поэтому они слушали из зала и тихое мурлыканье, и переливы сильных голосов, и выбирали, выбирали... Некоторые певицы даже не пытались изобразить скромность, они сходили со сцены прямо в ожидающие их объятия и удалялись вместе с мером в закрытые спальни.

Но Оуден знал, что Лаирда не такая, он ведь и раньше наблюдал за ней. Она поднималась на сцену, как царица. Ее наряд не был скромным, но она никогда не обнажала слишком много. И мером она могла вознаградить разве что благосклонным взглядом, никому не позволялось дотрагиваться до нее без ее согласия, а она своего согласия никогда не давала.

Оудену было интересно, узнает ли она его. Заметит ли вообще? Когда в глаза бьет яркий свет, не так-то легко разглядеть, кто скрывается во мраке зала! Но Лаирда к такому привыкла. Кажется, она ему кивнула! Он не был уверен, но сердце все равно забилось быстрее. Он тонул

в волнах ее голоса, как в мутной воде, его измененный слух воспринимал песню иначе, и по телу прокатывалась приятная дрожь.

Когда Лаирда закончила петь, он ушел. Он знал, что будет петь кто-то другой, но после ее голоса это казалось чуть ли не святотатством. Оуден хотел, чтобы в его памяти осталась только она. Сам же он не спешил мелькать перед ней – он хотел, чтобы она помнила его человеком. Даже если ей он никогда не был нужен.

Он не отправился на отдых сразу. Оуден ненадолго вышел на палубу, чтобы понаблюдать за бесконечно далекими звездами чужого неба. Он прекрасно знал историю колонии, но одно дело – знать, другое – по-настоящему верить, что его предки видели эти звезды вблизи. Оуден подумал, что чем больше поколений будет меняться на Левиафанах, тем слабее станет вера в происхождение колонии. Однажды, может, придумают легенду покрасивее и поверят в нее... Например, что колонию подняли со дна морского на своих плечах меры.

Бросив прощальный взгляд на манящую гладь воды, Оуден направился к себе. Он опасался, что, если останется тут чуть дольше, не выдержит, нырнет. А это равносильно самоубийству – он даже не найдет путь обратно! Поэтому ему следовало оставаться осторожным, пока он не до конца разобрался в силе своих инстинктов.

Меры спали в собственном крыле колонии. Комнаты у них были побольше, чем даже у врачей, и с лучшей обстановкой. Возможно, людям, особенно с детьми, такое распределение не понравилось бы, но людей сюда и не пускали.

Даже в поздний час на этаже не было тихо. Еще бы! Меры жили по своему графику, они могли позволить себе сон, когда угодно, а ночь они отдавали развлечениям. Нет, в редких спальнях царила тишина... возможно, потому что там никого не было. Из других же доносились звуки весьма специфических фильмов, смех женщин, порой нескольких сразу. Для Оудена это все не стало сюрпризом, он усвоил, что здесь всегда так живут. Может быть, и он будет, но уж точно не сейчас.

Он направлялся к своей комнате, когда одна из дверей открылась, выпуская в тесный, но чистый и ярко освещенный коридор две фигуры. И обе были прекрасно знакомы Оудену.

Одна – высокая широкоплечая фигура его нового командира. Все меры были в отличной форме, но Седар выгодно отличался даже от них. Возможно, поэтому он и стал главным, Оуден пока не разобрался, как тут лидера выбирают. Его в любом случае больше интересовала спутница Седара.

Лаирда. Конечно, она – и вместе с тем, не она. Не такая Лаирда, какой она обычно была в реальности и в его мечтах. У женщины, которая вышла в коридор, не было холодной гордости царицы. Она раскраснелась, торопливо поправляя смятое платье, растерявшее часть блеска. Ее косметика размазалась, волосы были взлохмачены. Лаирда выглядела потрепанной... использованной. Да почему только выглядела? Она и была такой. Обостренные мутацией чувства Оудена безжалостно подмечали все: ее блестящий взгляд, отпечатки когтистых рук на ее светлой коже, запах, исходящий от нее... Она пришла сюда за тем же, за чем приходят остальные женщины.

А главное, это было ей не в новинку. Она чувствовала себя на этаже меров, как дома, и Седар по-хозяйски обнимал ее за талию. Она принадлежала ему! И принадлежала уже давно.

Вот, значит, как... Не было никакой гордой богини. Все это Оуден придумал сам. Она отвергла его не потому, что ждала настоящей любви – ничего личного вообще! Просто от лидера меров она могла получить куда больше, чем от врача.

Оуден не знал, что сказать им. Должен был что-то сказать, а слов не было, и он просто застыл на месте, как дурак. Но они и не ждали от него слов. Лаирда и Седар прошли мимо него, смеясь, мер провожал свою любовницу обратно в квартал людей. Лаирда скользнула по Оудену равнодушным взглядом, и узнавания в этом взгляде не было. Возможно, в темноте она и правда не узнала... А может, он был недостаточно важен, чтобы его помнить. Сколько их у

нее было вообще – отвергнутых поклонников? Безликие рыбы по сравнению с ее истинным господином!

Это его не касалось. Оуден снова и снова повторял себе, что не имел никаких прав на нее. Любовь ничего не дает, она не позволяет обладать! Лаирда никогда ничего не обещала ему, да он и не собирался преследовать ее. Но все же... Ему было легче, когда ее образ, пусть даже придуманный им, стоял на пьедестале. Ему хотелось любить ее и дальше, болезненно и безответно, потому что это сохраняло в нем связь с человеком, которым он был когда-то.

Но теперь связующая нить разорвалась. Как бы он ни старался, он уже не смог бы забыть. Когда он пытался представить себе божественную девушку, поющую в луче белого света, память нещадно подбрасывала ему образ покрасневшей, одергивающей подол платья девицы с блестящим влажным взглядом. Ее любить он уже не мог...

Человек, которым он когда-то был, сделал еще один шаг во тьму.

* * *

Они все знали, что это будет странная посадка. Не жесткая, а именно странная, потому что никто толком не мог предсказать, как она пройдет.

Киган вообще несколько дней ходил по «Северной короне» и вопил, что никакого полета не будет, потому что это просто невозможно. Его нельзя было осуждать за это: их челнок, «Стрела», изначально был спроектирован для посадки на любую твердую поверхность. Твердую! Предполагалось, что там, где человек в состоянии построить колонию, есть хоть какая-то твердь. Водные миры почему-то не приняли во внимание.

Поэтому Кигану пришлось немало повозиться, но он все-таки справился. Он изменил «Стрелу» так, что она должна была и приводниться, и потом стартовать с воды. Но это в теории. На практике же, никто не мог предсказать, как дело пойдет. Альда всегда любила океаны, но прожить на воде всю жизнь ей как-то не улыбалось.

Еще одна сложность заключалась в том, чтобы найти корабль. На прежних миссиях они приземлялись неподалеку от колонии, иногда – в тайне от ее обитателей. Это давало им определенную свободу действия. На Кеплере так не получится: вокруг корабля только и есть, что вода. Они не смогут подобраться к нему незамеченными, им сразу придется признаваться в том, кто они и откуда... по крайней мере, отчасти.

Нужно ведь еще найти эту колонию! Рале составил примерный маршрут корабля, как и велела ему капитан. Но где гарантия, что маршрут не изменится за секунду? «Стреле» нужно было оказаться рядом с кораблем, а не грохнуться прямо ему на палубу. Это не порадовало бы никого.

Так что миссия, которая вроде как считалась не очень важной, на практике оказалась чертовски сложной.

Когда «Стрела» оторвалась от «Северной короны» и полетела вниз, Альда с удивлением подумала, что это, возможно, последние спокойные часы перед бурей. Надо же! Раньше тряска крошечного челнока казалась ей серьезным испытанием. Но теперь она привыкла, она доверяла Кигану. Она знала, что он отлично управляет кораблем и никто из них не погибнет во время этого путешествия. Но вот что будет дальше?

На их прошлом задании атмосфера планеты чуть не уничтожила «Стрелу». Здесь же все прошло гладко – никакого излучения, никаких грозových фронтов. Челнок прошел через пространство, как горячий нож через масло, и теперь приближался к воде. Иллюминаторов не было, и Альда не могла выглянуть наружу, она лишь чувствовала, что они уже близко... к чему-то. Она пока и сама толком не понимала, к чему.

О том, что происходит снаружи, знал только Киган. Он уже подключил внешние камеры и теперь наблюдал за местом приводнения через маленький экран.

– Вижу корабль, – рапортовал он. – И они нас тоже видят. День ясный, и мы для них гребаная комета! Сейчас решат, что вот-вот помрут, как динозавры.

– Вряд ли жителей Кеплера так уж печалит судьба земных динозавров, – заметила Альда.

– Меньше лирики, Рэйборн, – строго велела Лукия. – Как близко мы окажемся к кораблю?

– Ну, если доверить дело автопилоту, мы вмажемся прямо им в бок! Карта Рале оказалась так себе.

– Нормальная была карта! – возмутился Рале. – Невозможно точно рассчитать координаты без поправки на течение!

– Какая разница уже? – возмутилась Ноэль. – Мы что, реально врежемся?!

– Да не врежемся, конечно, – отмахнулся Киган. – Я давно переключил на ручное управление! Но мы все равно будем близко.

– Насколько близко?

– У них вся палуба будет в наших брызгах!

Прогноз был сомнительный. У такого приводнения есть плюсы: им будет проще состыковаться с кораблем, да и их появление наверняка покажется эффектным. Нынешнее поколение колонистов не видело космических кораблей! А с другой стороны, есть риск, что их появление сочтут угрозой. Вряд ли у колонистов хватит сил, чтобы нанести серьезный вред одной из сильнейших команд специального корпуса... Но испытывать судьбу Альде не хотелось.

От нее уже в любом случае ничего не зависело. Она не видела, как они приблизились к океану, но четко уловила тот момент, когда «Стрела» рухнула в воду. Да все уловили, толчок был тот еще! Альда подозревала, что фонтан брызг взметнулся к самым небесам.

Как и следовало ожидать, корабль постигла судьба любого тяжелого куска металла: он тут же пошел ко дну. Но Киган ожидал, что так будет, он переключил один из двигателей на малую мощность, достаточную для того, чтобы вернуть челнок к поверхности.

– Общие данные, Рэйборн, – потребовала капитан.

– Мы всплывем метрах в десяти от корабля, кэп. Они нас видят. Приглушили свои двигатели, чтобы остановиться, бросили якорь, значит, заинтересованы нами.

– Это предсказуемо. Что по планете?

– Подтверждается большая часть того, что мы получили от спутников. Атмосфера великолепная. Конфета, а не атмосфера, дышать – не надыхаться!

– Это как раз странно, – вмешался Рале. – Я еще когда данные со спутников просматривал, заметил. Как они обходятся без лесов?

– Вероятнее всего, тут есть водоросли с соответствующей функцией, – указала Ноэль. – Между прочим, на Земле водоросли тоже играют огромную роль в формировании атмосферы!

– С этим можно разобраться позже, – рассудила Лукия. – Нам важен результат – там можно дышать. Что еще?

– Вода вокруг нас соленая. Уровень соли повыше, чем в большинстве земных морей и океанов. Я бы сравнил с Мертвым морем – это будет уместнее всего. Но даже при таком уровне соли датчики показывают развитый растительный и животный мир.

– Это логично: планета адаптируется к собственным условиям, земные стандарты здесь не важны.

– А еще дно так далеко, что лучше и не думать об этом, – добавил Киган. – Чего тоже следовало ожидать, если помнить о том, что Кеплер – грандиозно большая дура.

– Побольше уважения к чужим мирам, – поморщился Стерлинг.

– О, я их уважаю безмерно! Главное, чтоб аборигены нам копье в глаз не метнули. Это несколько поубавит уровень моего уважения.

– Маловероятно, что это произойдет, – покачала головой Лукия. – Они самостоятельно построили корабль и обеспечивают его постоянное движение. Полагаю, колонисты не растеряли те знания, с которыми покинули Землю.

Пока они обсуждали Кеплер, Альда закрыла глаза и сосредоточилась на своих способностях. Ей нужно было понять, кто сейчас находится рядом с ними – и к чему такое соседство может привести.

Жизни на планете хватало, это уж точно! Воды кишели ею, и она была новой, разной, незнакомой... Альда пока не могла разобраться в здешних существах, да она и не пыталась. Ей важно было одно: это все животные, умеренно развитые формы жизни. А ее интересовал разум.

И она нашла его – знакомый, ни с чем не сравнимый свет человеческого разума. Колонистов было много, несколько тысяч, поэтому она, конечно, не могла прочесть мысли каждого из них. Но ей важно было, что это люди, мыслящие на одном с ней языке! Да и общий эмоциональный фон она улавливала. Они были взволнованы, напуганы, некоторые – враждебны, некоторые – заинтригованы. Да и как иначе? Такого потрясения, как падение «Стрелы», в их жизни не было давно. Возможно, вообще никогда.

Но это как раз предсказуемо, обитатели корабля вели себя именно так, как им полагалось. Альду смутило кое-что другое...

– Капитан! – позвала она. – Люди... они рядом с нами!

– Так и было задумано, Мазарин.

– Нет, я не совсем о том. Они рядом с нами в воде.

Такого Альда не ожидала. Для местных «Стрела» была непонятным явлением, от которого сначала следовало бы держаться подальше. А они сразу в воду сиганули!

Капитан Лукия тоже поняла это, нахмурилась.

– Мы не знаем всех местных традиций, – указала она. – Эти люди много лет живут на воде. Возможно, нырнуть за нами для них так же естественно, как подойти.

– А вот не сказал бы, – возразил Киган. – Я же пока не вывел «Стрелу» к поверхности! Она осталась на небольшой глубине, чтобы мы могли спокойно все обсудить.

– Получается, люди рядом с нами на глубине?

– Вот именно! – подтвердила Альда. – Они постоянно плавают рядом и не выныривают за воздухом!

– Возможно, у них есть акваланги.

И тут впервые в разговор вмешался Триан:

– Да нет у них никаких аквалангов. Просто эти ваши люди – не совсем люди. Разве не очевидно?

Очевидно это как раз не было. В их разуме Альда улавливала нечто необычное, однако она не смогла бы дать этому название. Да и потом, по большей части это был все-таки человеческий разум!

Но это не значит, что она ставила слова Триана под сомнение. Альда узнавала мир через телепатию. Он – через телепатию и еще ряд способностей, о которых она могла лишь догадываться. Да и сам он не совсем человек... возможно, он почуял себе подобных?

– Эти люди опасны для нас, Триан? – уточнила Лукия.

– Не думаю. В любом случае, нет здесь ничего такого, с чем я бы не справился.

– Предлагаю вылезать, у нас здесь заканчивается воздух и приятное общество, – хмыкнул Киган.

– Следуем стандартному протоколу, – предупредила капитан. – Мы прибыли для мирных переговоров. Следовательно, мы должны скрывать способности солдат специального корпуса как можно дольше. При идеальном раскладе – всю миссию.

– Если бы он хоть раз был идеальным, – вздохнул Рале.

Киган вывел «Стрелу» к поверхности и открыл люк. В небольшое пространство челнока, которое уже успело стать жарким и неприятно душным, ворвался свежий воздух, пропитанный солью, и белесый солнечный свет. Стали слышны далекие голоса людей и мерный плеск волн, бьющихся об бок «Стрелы».

– Выбираемся на поверхность челнока, – проинструктировала Лукия. – Переговоры веду я.

Это было рискованное решение с ее стороны: в силу мутации Лукия выглядела подростком. А чтобы признать авторитет женщины, да еще такой молодой, колония должна была выйти на особый уровень развития. Альда сильно сомневалась, что это возможно в мире, которым, по сути, правят моряки.

Они и правда оказались у самого борта корабля. Он нависал над ними черной махиной, на фоне которой «Стрела» казалась совсем крошечной, почти ничтожной. Вот поэтому колонисты не слишком испугались ни космического корабля, ни горстки людей, оказавшихся внутри.

С борта корабля за ними наблюдали многие, но Лукия сразу обратилась к небольшой группе людей, державшейся особняком. Эти и правда были одеты лучше, чем большинство колонистов.

– Мы прибыли для переговоров, – заявила Лукия. Никакого микрофона у нее не было, но ее голос все равно звучал достаточно громко, чтобы его услышали на корабле. – Мы представляем космический флот. Нас прислали для контакта с колонией «Искателя».

– Поздновато же вы спохватились! – отозвался один из мужчин на корабле. – Как это понимать? Флоту десятилетиями было на нас плевать, а тут он вдруг очухался и прислал каких-то детей!

Это была дурацкая позиция, ни к чему не ведущая. Не открытая враждебность – но первый шаг к ней. Впрочем, Альда уже проверила разум окружавших их людей и могла дать Лукии мысленную подсказку.

«Капитан, обращайтесь к мужчине, который стоит в середине группы. Он настроен достаточно благожелательно и имеет значительную власть здесь. Также чуть левее стоит мужчина, который тоже чем-то тут управляет, но он сам по себе. И в воде по-прежнему есть люди, думаю, они как-то связаны с тем одиноко стоящим мужчиной».

«Принято, Мазарин».

Управлять толпой тяжело, иногда даже нереально. Это все равно что пытаться собрать крошечной чашкой все капли ливня. Гораздо проще договориться с одним человеком, который представляет мнение других, которому тут привыкли подчиняться.

Поэтому теперь Лукия обращалась к тому человеку, на которого указала Альда. Им оказался мужчина лет сорока, высокий, подтянутый, с ранней сединой в волосах и цепким умным взглядом темных глаз. Этот был совсем не напуган, ему было любопытно – и он понимал, насколько важно произошедшее сегодня.

– Я понимаю, почему у вас могут быть некоторые обиды на космический флот, – признала Лукия. – Но мы говорим об унаследованных обидах на людей, которые жили много лет назад. Сегодня все иначе. Мы прибыли к вам, как только это стало возможным. Вы можете замкнуться, забаррикадироваться, отказаться от переговоров. Никто не будет вас заставлять, мы просто покинем планету. Но вы уверены, что вам абсолютно не нужно никакое содействие извне? Что у вас уже есть все, что необходимо для счастливого будущего?

Вот тут она попала в точку – и не случайно. Колонисты ютились на одном-единственном корабле, и получить новый дом они не могли – его не из чего строить. Следовательно, они всегда и при любых обстоятельствах были ограничены этим пространством. Да и потом, насколько Альда могла судить по первому подсчету, нынешнее население колонии значительно уступало тем, кто отправился в путь на «Искателе».

Иначе не будет, если им не помогут. Они не могут развиваться в своем крошечном мире одни. Мужчина с темными глазами понял это, он приветственно поднял руку.

– Меня зовут Мерсер Нил, я – часть совета, управляющего «Посейдоном». От своего имени и от имени совета я приглашаю вас на борт, если против этого не возражают меры.

Толпа тут же зароптала, далеко не все были довольны таким поспешным и, как им показалось, наивным решением. Да еще и при том, что Мерсер не был безусловным лидером, он был одним из многих! С чего это он говорит за всех? Какое он имеет право?

Но Мерсер не обращал на них внимания, он смотрел на одиноко стоящего мужчину, которого Альда выделила наравне с ним. Значит, она не ошиблась: он тоже лидер, просто другого толка.

И вот он как раз не был человеком. Вновь явила себя аксиома «Триан никогда не ошибается». Он не отличался от человека совсем уж кардинально, и с первого взгляда невозможно было понять, что с ним вообще не так. Но чем дольше Альда рассматривала его, тем больше деталей подмечала – от непроницаемо черных глаз до островков чешуи у него на коже.

Этот не чувствовал к чужакам такой же симпатии, как Мерсер. Но он не был самовлюбленным дураком, который, чуть что, начинает опасаться за свою власть. Он тоже понимал, что колонии нужны перемены, если люди хотят выжить.

– Хорошо, – наконец сказал он. – Меры не против. Мы окажем должное гостеприимство.

Услышав это, толпа тут же притихла. Это было очень любопытно.

– Вот и славно, – кивнул Мерсер. – Мы не можем долго стоять на месте, «Посейдон» должен продолжить движение. У вас есть способ состыковаться с кораблем?

– Да, это возможно.

К этому они как раз готовились: Киган установил на «Стреле» мощный электромагнит, который должен был связать челнок с большим кораблем. Но то, что здесь нельзя долго оставаться на месте, само по себе достойно внимания.

Киган собирался вернуться внутрь кабины, чтобы мягко подвести «Стрелу» к кораблю, но это не понадобилось. Из воды наконец показались те, кто кружил на глубине с самого начала. Это были такие же люди, как мужчина на корабле – с черными глазами, жабрами на шее и перепонками на руках. Они были колонистами, как и остальные, но лишь отчасти. В самой их природе Альда чувствовала то, что не могла распознать.

Они окружили корабль и осторожно подвели его к «Посейдону», с которого уже спускалась вполне удобная лестница.

– Они – амфибии! – удивленно шепнула Ноэль. – Но я не понимаю, как...

– Это и невозможно понять вот так сразу, – заметил Рале. – Зато теперь мы догадываемся, как людям удавалось так долго выживать на абсолютно не предназначенной для них планете.

* * *

Колонисты отнеслись к ним добрее, чем ожидала Ноэль, и это радовало. Приветствие было неоднозначным, и появились основания полагать, что гостей попросту вышвырнут за борт. Но – нет, как только они попали на корабль, враждебность понемногу исчезла.

Все равно Ноэль не хотела участвовать ни в каких официальных переговорах. Она прекрасно знала, что там дружелюбие подолгу не держится. Начнутся какие-то обвинения, требования... Это точно не ее стихия. Поэтому она была особенно рада, когда ей позволили осмотреть лазарет колонии вместо того, чтобы изображать из себя дипломатку вместе с остальными. Все-таки ее сфера – это медицина, и тут было на что посмотреть!

Еще приятнее было от того, что ее провожатой стала Джованна Пилар – аристократичная женщина лет пятидесяти, сдержанная, мудрая. Рядом с ней Ноэль было спокойно. Джованна

не пыталась обвинять ее во всех грехах космического флота, она относилась к Ноэль как к коллеге.

А еще именно она управляла лазаретом, это было важно. Джованну уважали, и это уважение невольно распространялось на ее спутницу.

– Медицина – это всегда важная составляющая любой колонии, – рассудила Ноэль. – Так почему вас не сделали частью здешнего совета?

– Сделали. Я вступила в совет тогда же, когда возглавила медицинское крыло.

– Но почему вы сейчас не там?

– Потому что я появляюсь на общих собраниях, когда считаю это нужным. А нужным я это считаю лишь в тех случаях, когда речь заходит о моей работе. Я ничего не смыслю в политике и не собираюсь притворяться, будто это не так. Мое присутствие ни на что не повлияет.

И Ноэль почувствовала, как восхищение старшей женщиной возрастает.

Лазарет был организован неплохо – если учитывать ограниченные ресурсы. Хорошо даже! Похоже, тут взяли максимум от того, что оставил в наследство «Искатель». В этом крыле было светло, отлично работала вентиляция, пахло чем-то похожим на мед, но не лекарствами... Собственно, в этом и заключалась единственная проблема, которую обнаружила Ноэль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.